

торое повелевает размышлять день и ночь (Пс. 1, 2), вечером и утром и в полдень поведать (Псал. 54, 18), и благословлять Господа во всякое время (Пс. 33, 2). А если нужно присовокупить и сказанное Моисеем, то ложась, и вставая, и идя дорогой (Втор. 6, 7), и справляющий другие дела должен памятовать о Боге, и этой памятью возводить себя к чистоте. Таким образом, запрещаю не памятовать о Боге, но богословствовать непрестанно, даже запрещаю не богословствование, как бы оно было делом не благочестивым, но безвременность, и не преподавание учения, но несоблюдение меры. Мед, несмотря на то, что он мед, если принять в излишестве и до пресыщения, производит рвоту. И время всякой вещи, как рассуждаю с Соломоном (Еккл. 3,1). Даже прекрасное не прекрасно, если произведено вне порядка, как, например, совершенно неприличны цветы зимой, мужской наряд на женщине и женский – на мужчине, геометрия во время плача и слезы на пиру. Ужели же ни во что будем ставить время единственно там, где всего более надобно уважать благовременность? – Нет, друзья и братья (все еще называю вас братьями, хотя ведете себя и не по-братски)! Не так будем рассуждать, не побежим дальше цели, как горячие и неудержимые кони, сбросив с себя всадника разум, и отринув добрую узду – благоговение, но станем любо мудрствовать, не выступая из назначенных христианину пределов, не будем переселяться в Египет, не дадим увлекать себя к ассириянам, не воспоем песнь Господню на земле чужой (Пс. 136, 4), т. е. вслух всякому, и стороннему и нашему, и врагу и другу, и благонамеренному и злонамеренному, который чрезмерно тщательно наблюдает за нами, и желал бы, чтобы в нас каждая искра худого обратилась в пламя, сам тайно ее возжигает, раздувает, воздымает своим дыханием к небу, выше сжигающего все окрест себя Вавилонского пламени. Поскольку в собственных своих учениях не находят они для себя подкрепления, то ищут его в том, что слабо у нас. А потому, как мухи на раны, нападают на наши (как назвать это?) неудачи или погрешности.

Но не будем долее оставаться в неведении о себе самих и не уважать приличия в таких предметах. Напротив, если невозможно истребить вражду, по крайней мере, согласимся в том, чтоб о таинственном говорить таинственно, и о святом – свято. Перед имеющими оскверненный слух не станем повергать того, о чем не должно всем разглашать. Не попустим, чтоб, в сравнении с нами, оказались достойными большего почтения поклоняющиеся бесам, служители срамных басен и вещей, потому что и они скорее прольют кровь свою, нежели откроют учение свое непосвященным. Будем знать, что есть некоторое благоприличие как в одежде, пище, смехе и походке, так и в слове и молчании; тем более, что мы, кроме других наименований и сил, чтим в Боге и Слово.

Сами состязания да будут у нас подчинены законам. О рождении Бога, о сотворении, о Боге из не сущих,⁷ о сечении, делении и разрешении для чего слушать тому, кто слушает это неприязненно? Для чего обвинителей делаем судьями? Даем меч в руки врагам? Как и с какими, думаешь ты, понятиями примет слово об этом тот, кто одобряет прелюбодеяние и детораствление, кто поклоняется страстям и не может ничего представить выше телесного, кто вчера и за день творил себе богов, богов, отличающихся делами самыми постыдными? Не с понятиями ли (к какому он привык) грубыми, срамными, невежественными? И богословие твое не сделает ли он поборником своих собственных богов и страстей? Если мы сами употребляем такие изречения во зло, то еще труднее убедить противников наших, чтоб любомудрствовали, как следовало бы нам. Если мы сами у себя изобретательны на зло (Рим. 1, 30), то как им не коснуться того, что действительно в нас есть? Вот следствия нашей междоусобной брани! Вот польза от подвизающихся за слово более, нежели угодно Слову, и от подвергающихся одной участи с лишенными ума, которые зажигают свой собственный дом, или терзают детей, или гонят от себя родителей, считая их чужими!

Но, отлучив от слова чуждое и многочисленный легион, поступивший в глубину, послав в стадо свиней, обратимся к себе самим (что составляет второй предмет нашего слова) и как изваяние высечем богослова во всей красоте. Прежде же всего поразмыслим о том, что значит такое ревнование о слове и эта болезнь языка? Что за новый недуг? Что за ненасытность? Для чего, связав руки, вооружили мы язык? Не хвалим ни страннолюбия, ни братолюбия, ни любви супружеской, ни целомудрия; не дивимся ни питанию нищих, ни псалмопению, ни всенощному стоянию, ни слезам; не изнуряем тела постами, не преселяемся к Богу молитвой, не подчиняем (как правильно рассуждающие о своем составе) худшего лучшему, то есть плоти духу; не обращаем жизни в помышление о смерти; помня о горнем благодестве, не удерживаем за собой владычества над

---

⁷ Ариане учили о Сыне Божиим, что было, когда Его не было, и что, следовательно, Он стал из не сущего сущим.